

Игорь Вадимович Базиленко

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
i.bazilenko@spbu.ru*

ПОСОЛЬСТВО А. П. ВОЛЫНСКОГО В ПЕРСИЮ (ИРАН) НАКАНУНЕ ПЕРСИДСКОГО ПОХОДА 1722–1723 гг.

Аннотация: Статья посвящена миссии 1715–1717 гг. под руководством А. П. Волынского, перед которым стоял широкий спектр различных задач: от сбора стратегической информации и заключения торгового трактата до создания консульской службы и постоянного представительства Русской православной церкви в Иране. Сделан вывод о том, что решение о подготовке к началу знаменитого Персидского похода российский император принимал в значительной степени исходя из доверия к сведениям и выводам своего посланника.

Ключевые слова: *российско-иранские отношения, А. П. Волынский, Персия (Иран), Пётр I, Персидский поход, шах Султан-Хусайн, Мир Махмуд.*

XVIII в. ознаменовал новый этап в российско-иранских отношениях, связанный прежде всего с активизацией европейской внешней политики на Востоке вообще и российской политики в частности. Это было обусловлено не только изменением международной обстановки и обострением пресловутого Восточного вопроса, но и сложной внутривосточной ситуацией, в которой оказался Иран в первой четверти XVIII в.

В зарубежной и отечественной историографии зачастую принято рассматривать Восточный вопрос как вопрос, связанный исключительно с отношением европейских государств к Османской империи, которая в XVIII в. столкнулась с рядом серьезных проблем и вступила к концу столетия в стадию распада.

Не ставя под сомнение приоритетное значение борьбы государств Западной Европы и России за «турецкое наследство», представляется вполне оправданным рассматривать Восточный вопрос в более широком контексте борьбы евродержав за контроль над регионами Ближнего и Среднего Востока. Восточный вопрос всегда содержал несколько составляющих, таких как Средиземноморский вопрос (соперничество за господство в Средиземном море и на его

побережье), Балканский вопрос (борьба за контроль над Балканским полуостровом, осложнявшаяся национально-освободительным движением народов), Арабский вопрос (борьба арабов за независимость от османских правителей) и др. В рамках Восточного вопроса следует рассматривать также Кавказский и Персидский вопросы, которые со временем приобрели чрезвычайную актуальность.

Персидский вопрос, связанный с борьбой держав за преобладание в Иране, на Кавказе, в Средней Азии и в Индии, был традиционно обусловлен устойчивым многовековым стремлением России и Европы использовать Иран как противовес Османской империи. Успеху в реализации этого стремления способствовали суннитско-шиитские религиозные противоречия, осложненные наличием подвластных султану общемусульманских святынь в Хиджазе и основных шиитских святынь в Ираке, территориальные споры, вызванные отсутствием общепризнанных сухопутных и водных границ между Османской и Сафавидской империями, проблема исторического Курдистана и ряд других болезненных вопросов. Турецко-иранское региональное противостояние Великобритания, Франция и Россия неизменно использовали в своих интересах с большей или меньшей эффективностью в зависимости от активности противодействия соперников и складывавшейся вследствие этого международной обстановки.

Для России начало нового этапа отношений с Ираном стало связано с решительными преобразованиями во всех сферах общественной жизни страны и ее внешней политике при молодом и энергичном Петре I (1672–1725), который активно действовал на Западе и на Востоке.

В 1695 г. цари-соправители Иван и Петр отправили купца гостинной сотни Семена Мартыновича Маленького (Маленьков, ум. 1702) с товарищами и грамотами к шаху в Иран и Великому Моголу в Индию. С. М. Маленькой проехал весь Иран, побывал в столичном Исфахане и через иранский Бандар-Аббас отправился в Индию. Он в целом выполнил данное поручение, испытав множество тягот и приключений. На обратном пути после пятилетних странствий С. М. Маленькой скончался в Шемахе (по другим свидетельствам, в Астрахани), его дневник пропал. Все подробности об этом путешествии известны благодаря записям, сделанным в канцелярии Сената со слов его спутника Андрея Семенова, которого разыскали в 1716 г. во время подготовки к экспедиции А. Бековича-Черкасского (уб. 1717) и А. И. Кожина (даты жизни неизвестны).

Легкому вовлечению Ирана в орбиту интересов могущественных держав промышленно развивающейся Европы способствовало объективное ослабление страны, вызванное во многом, как это часто бывало на протяжении иранской истории, вполне субъективным фактором – многочисленными и систематическими ошибками в управлении страной совершенно неподготовленного к исполнению своих прямых обязанностей монарха, пришедшего к власти благодаря капризу придворных евнухов. Отказавшись от основ политики веротерпимости, заложенной Аббасом Великим, шах Султан-Хусайн устроил гонения на суннитов в Курдистане, Афганистане, Северном Азербайджане и на Кавказе. В дальнейшем именно под лозунгами суннизма развернулось самое грозное антигосударственное выступление афганцев-гильзаев, лидер которых правитель Кандагара Мир Вайс (1673–1715) во время хаджа¹ получил разрешение мекканских суннитских богословов на поднятие восстания против государя-шиита.

С 1709 г. афганцы-гильзаи отказались признавать власть Сафавидов, захватили Кандагар, вырезали местный гарнизон и убили шахского наместника. На севере Ирана многие местные правители отказались подчиняться шаху и решили отложиться от центральной власти. Усилила свое влияние в регионе Турция. Многие кавказские князья формально признали власть турецкого султана, подобно вождам Сурхай-хану казикамукскому и хаджи Давуд-беку лезгинскому, которые в 1712 г. захватили Ширван и во время разграбления Шемахи убили около 300 русских купцов.

В 1715 г., желая укрепить позиции России на Востоке и расширить отношения с Ираном, деятельный российский император отправил в Исфахан освобожденного из турецкого плена полковника Артемия Волынского (1689–1740), который был призван подготовить торговый трактат с иранской стороной для предоставления значительных льгот отечественным купцам. Поскольку отношения с Османской империей к этому времени были окончательно испорчены, Петр рассматривал Иран как таковой в качестве страны возможной транзитной торговли с Индией, сулившей огромные прибыли России. Однако и торговле с самим Ираном необходимо было тоже уделять должное внимание. Император хотел учредить в Персии собственно русское торговое общество, поскольку традиционные посредники в иранской торговле – армяне – систематически нарушали свои обяза-

¹ Хадж (правильно «хадждж») – обязательное паломничество в Мекку и Медину, считающееся одним из пяти столпов ислама.

тельства не торговать шелком с другими европейскими купцами, кроме русских.

В послании к иранскому шаху российский император впервые высказал мысль о необходимости постоянного представительства православной церкви в Иране. В составе посольства А. П. Волынского находился в качестве священника миссии иеромонах Иларион (Рогалевский, ум. 1742)².

В 1716 г. российский император послал поручиков флота А. И. Кожина и В. А. Урусова (ок. 1690–1741) описать берега и притоки восточной части Каспийского моря, промерить глубину, нанести на карту мели и т. д. Их описи и карты впоследствии почти целиком вошли в первую подробную карту Каспийского моря 1720 г.

Экономическое положение в Иране тем временем все больше осложнялось вследствие неразумной налоговой политики иранского руководства, пытавшегося восполнить сокращение доходов от внешней торговли шелком (произошедшее по не зависящим от иранцев объективным обстоятельствам) путем безудержного роста прежних и введением новых налогов. Иранский шах Султан-Хусайн оказался несостоятельным правителем, которого А. П. Волынский весьма характерно обрисовал в донесении канцлеру: «...Он не над подданными, но у своих подданных подданный. И чаю редко такова дурачка мочно сыскать и между простых, не токмо ис коронованных. Того ради сам ни в какие дела вступать не изволит, но во всем положился на своего помощника ехтема-девлета, который всякого скота глупее, однако же у него такой фидори (фаворит. – И. Б.) что шах у него изо рта смотрит и, что велит, то делает...»³.

Кадровая политика нового шаха и положение дел в некогда хорошо отлаженном государственном аппарате Сафавидской империи также оставляли желать лучшего. А. П. Волынский красноречиво свидетельствовал об этом в своих донесениях в Санкт-Петербург: «Истинно не знают дела и как их делать. И к тому же и ленивы, что о деле часа одного не хотят говорить, и не токмо посторонние, но и свои

² С 1732 г. архиепископ Казанский и Свяжский, с 1735 г. архиепископ Черниговский. В 1737 г. арестован «за дерзостные слова», указом Синода освобожден, и было начато следствие. В мае 1738 г. по прошению уволен на покой в Киево-Печерскую лавру. Был вызван в Синод по своему делу, скончался по пути в 1742 г. в Твери и был погребен в Отроче Успенском монастыре [Русский биографический словарь, 1897, с. 83–84].

³ Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 77: Сношения России с Персией. 1743. Оп. 1. Д. 2. *Волынский А. П.* Донесения. Л. 200 об.

у них так же идут безвестно, как попало на ум, так и делают безо всякого рассуждения; от этого *так* свое государство раззорили, что, я чаю, и Александр Великий в бытность свою не смог войною так разорить. И чаю, что *сия* корона к последнему разорению приходит, ежели не обновитца иным шахом, понеже со всех сторон как езбеки, так и прочие в свою волю воюют, но не только от неприятелей, но и от своих ребелизантов (бунтовщиков. – *И. Б.*) оборонитца не могут. И уже редкое место осталось, где бы не было ребелей (восставший. – *И. Б.*). И тако один от другога все пропадает»⁴.

Состояние сафавидской казны А. П. Волынский оценил как плачевное: «Вместо богатства великую скудность имеют, что я довольно видел и слышал от известных, что все государство не имеет доходов, разве 6 миллионов, и то с нуждой, может быть. Прежде сего хотя и немалые были (как я слышал, что собиралось миллионов 15 и больше), однако же то ныне упущено от непорядочных управителей»⁵.

В преддверии Персидского похода посланец Петра особое внимание уделил военным делам. Волынский невысоко отозвался о боеспособности иранской армии и объяснил это обстоятельство тяжелым экономическим положением и финансовыми трудностями Ирана: «Многие войска в поход иттить не хотят для того, что жалования не дают»⁶; «...Понеже ныне казенные палаты стали пусты и войскам платить нечем, того ради, как сказывают, что спасалар (искаж. перс. «сепасалар» – главнокомандующий. – *И. Б.*), который ныне в Тавризе, сколько ни навербует войску, то паки все разбегутца оттого, что жалованье не дают»⁷.

Надо признать, что Волынскому удалось исполнить не все указы императора. Он не добился от шаха Султан-Хусайна разрешения построить православную церковь в Иране, но открыл важную восточную страну для русской торговли. Российско-иранский договор от 30 июля 1717 г. разрешил отечественным купцам свободную торговлю во всех провинциях Ирана и защитил их права: местные чиновники не могли забирать даром часть понравившихся им товаров, а обязывались приобретать их. Во внутренних иранских областях российские торговцы платили только установленные пошлины при отмене иных

⁴ Там же. Л. 201 об.

⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. Персидские дела. 1715. Д. 2. *Волынский А. П.* Донесения. Л. 577а.

⁶ РГАДА. Ф. Персидские дела. 1715. Д. 2. Л. 310 об.

⁷ Там же. Л. 318б.

поборов и получили право покупки любого шелка-сырца без ограничений при равном налогообложении с иранскими купцами.

В главную заслугу А. П. Волынского можно поставить то, что он создал российскую консульскую службу в Иране и добился наличия при шахском дворе отечественного представителя (резидента). При консульствах были учреждены должности консульских священников для духовного окормления русских консулов, сотрудников и торговых людей.

Поскольку Волынский успешно выполнил основное поручение императора по подробному изучению состояния сафавидского государства, по возвращении в Россию в 1718 г. он был произведен в генерал-адъютанты, а через год назначен губернатором во вновь учрежденную Астраханскую губернию.

В 1718 г. секретарю Ориентальной экспедиции итальянцу Флорио Беневени, принятому в 1708 г. на русскую службу послом в Константинополе П. А. Толстым (1645–1729) в качестве переводчика с восточных языков, было поручено возглавить дипломатическую миссию в Персию и Бухару. В 1718–1725 гг. он находился в длительном и опасном путешествии, во время которого вел дневник, собирав многочисленные сведения по истории, географии, политике и о народонаселении Ирана и Средней Азии (см. [Воловников, 1986]).

В 1719 г. на Каспий по приказу Петра I был отправлен капитан-лейтенант Карл Петрович Верден (ум. 1731), голландец, штурман шведского флота, взятый в плен в 1703 г. и перешедший на русскую службу. Вместе с лейтенантом Ф. И. Соймоновым (1692–1780) в течение нескольких месяцев они продолжали дело, начатое В. А. Урусовым и А. И. Кожиным, – изучали берега, замеряли глубины и описывали острова неизвестного моря с задачей найти надежный торговый путь от Москвы в глубь Азии.

В 1720 г. Ф. И. Соймонов и К. П. Верден описали западный и южный берега Каспийского моря. В результате им удалось составить подробную карту Каспийского моря, отправленную в Парижскую академию наук в 1721 г. под названием «Хартина плоская генеральная моря Каспийского»⁸.

⁸ Окончательно работа Ф. И. Соймонова по описанию Каспийского моря при участии лейтенанта Пьера Дефремери была закончена в 1726 г. Кроме карты Каспийского моря, он издал «Описание Каспийского моря, от устья р. Волги, от притока Ярковского, до устья р. Астрабацкой» и «Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого».

К 20-м гг. XVIII в. политическая карта Европы претерпела значительные изменения. После победоносного завершения Великой Северной войны 1700–1721 гг. Россия стала влиятельной мировой державой с подлинно европейской столицей империи на берегах Балтийского моря. После успехов в Европе российский император вновь заинтересовался Востоком.

Сведения о плохом внутривосточном положении в Иране, доставленные в Санкт-Петербург Волынским, вскоре получили подтверждение.

В 1720 г., воспользовавшись тяжелым кризисом, в котором пребывал Иран, сын афганского бунтовщика Мир Вайса Мир Махмуд (1699–1725) отправился с войском к Исфахану. Первая попытка захватить столицу закончилась неудачей: афганцев разбили. Но в 1722 г., после того как шах сместил своего талантливого полководца по подозрению в заговоре и распустил войско, Мир Махмуд вернулся и осадил город, из которого с частью воинов сумел вырваться лишь наследник престола Тахмасп-мирза.

Шах Султан-Хусайн, неспособный справиться с повсеместными мятежами в стране, трижды отправлял послов к России за помощью, и в 1721 г. Петр отдал распоряжение астраханскому губернатору А. П. Волынскому подготовить все необходимое к Персидскому походу.

Петр I планировал выступить из Астрахани, идти берегом Каспия, захватить Дербент и Баку, дойти до р. Куры и основать там крепость, оказать грузинам помощь в борьбе с Османской империей и оттуда вернуться в Россию. Казань и Астрахань превратились в основные центры организации Персидского похода. Для предстоящего похода из 80 рот полевых войск было сформировано 20 отдельных батальонов общей численностью 22 тыс. человек пехоты. По распоряжению царя в Казанском адмиралтействе было построено около 200 транспортных кораблей для пяти тыс. матросов [Броневский, 1996, с. 67].

15 июня 1722 г. император прибыл в Астрахань, где обнародовал манифест, в котором объяснялось на нескольких языках, что Россия выступает против мятежников с целью защиты российских подданных и их торговых интересов в регионе [Базиленко, 2017, с. 312–315]. Согласно переговорам, которые вели российские представители, за военную помощь законному престолонаследнику Иран должен был уступить России ряд городов и провинций по западному побережью Каспия. Петр решил пехоту переправить морем, а семь драгунских полков общей численностью 9 тыс. человек под командованием ге-

нерал-майора Г. С. Кропотова (ум. 1730) отправить по суше из Царицына.

Для России было чрезвычайно важно не допустить захвата всего региона войсками Османской империи. 25 июня 1722 г. русскому резиденту в Исфахане Семену Аврамову (1696–1735) Петр I писал, чтобы тот дал следующее разъяснение шаху: «Что мы идем к Шемахе не для войны с Персиею, но для искоренения бунтовщиков, которые нам обиду сделали. И ежели им при сем крайнем разорении надобна помощь, то мы готовы им помогать и очистить от всех их неприятелей и паки утвердить постоянное владение персидское, ежели они нам уступят за то некоторые по Каспийскому морю лежащие провинции, понеже ведаем, что ежели в сей слабости останутца и сего предложения не примут, то турки не оставят всю Персиею завладеть, что нам противно, и не желаем не только им, ни себе оную владеть»⁹.

18 июля 1722 г. вся флотилия численностью 274 корабля вышла в море под начальством генерал-адмирала графа Ф. М. Апраксина (1661–1728). 20 июля флот вошел в Каспий и неделю следовал вдоль западного берега.

Государственной канцелярией в Персидском походе заведовал отец последней фаворитки императора выдающийся государственный деятель и ученый Д. К. Кантемир (1673–1723). По его инициативе была образована специальная типография с арабским шрифтом, в которой напечатали сочиненный и переведенный Кантемиром манифест Петра I к народам Кавказа и Персии на татарском, турецком и персидском языках. В перерывах между военными действиями Д. К. Кантемир занимался рядом географических, исторических, археологических исследований, собирал материалы по истории Дагестана, изучал древние памятники Дербента¹⁰.

⁹ РГАДА. Ф. Кабинет Петра I. Отд. I. Кн. 30. Л. 151.

¹⁰ Будучи заложником турецкого султана в Константинополе в 1687–1691 гг., Кантемир изучил турецкий и персидский языки, благодаря чему занимал впоследствии в Османской империи высокие должности. В 1710 г. назначен султаном Ахмедом III (1703–1730) Господарем Молдавии с обязательством подготовки молдавской армии к войне с Россией. Стремившийся к освобождению Молдавии от османского ига, Кантемир направил в Россию тайного посла Штефана Луку, вступившего в переговоры с Петром I о совместной борьбе с Турцией. В 1711 г. при участии Кантемира был составлен план договора о добровольном вхождении Молдавии в состав России на правах автономии, об установлении на ее территории наследственной монархии Кантемиров, призвал население Молдавии к поддержке Прутского похода Петра I. 22 июля 1714 г. Кантемир был избран членом Прусской АН, содействовал образованию Санкт-Петербургской АН. Фундамен-

27 июля пехота высадилась у Аграханского мыса ниже устья р. Койсу. Через несколько дней прибыла кавалерия и соединилась с главными силами. 5 августа русская армия продолжила движение к Дербенту, 8 августа переправилась через р. Сулак. 15 августа войска подошли к Таркам, а 19 августа было отбито нападение десяти тысячного отряда Отемишского правителя Султан-Махмуда (ум. 1748). 23 августа войска без боя заняли Дербент, который был стратегически важным городом, поскольку прикрывал береговой путь вдоль Каспия. 28 августа к городу стянулись все русские силы, в том числе и флотилия. Дальнейшее продвижение на юг приостановила сильная буря, которая потопила все суда с продовольствием¹¹. После этого Петр I решил оставить гарнизон в Дербенте и вернулся с основными силами в Астрахань, где начал подготовку к кампании 1723 г. Это был последний военный поход, в котором он принимал непосредственное участие [Бронеvский, 1996, с. 69].

Пока шах Султан-Хусайн сопротивлялся афганцам в осажденной столице, русская армия вела бои с местными правителями в Дагестане и в окрестностях Дербента. В октябре 1722 г., когда большая часть армии возвратилась в Астрахань, царь получил известие от российского консула о том, что гилянцы просят прислать русские войска для защиты провинции от бунтовщиков. По распоряжению Петра два батальона под командованием полковника Шипова заняли Решт и с переменным успехом разрушали замыслы местных честолюбцев, стремившихся к независимому правлению в Гиляне¹². Почти одновременно с этим событием пришло известие о падении столичного Исфахана и передаче Султан-Хусайном знаков шахской власти и ключей от города главарю афганцев Мир Махмуду.

тальный труд Кантемира «Книга Систима или состояние мухаммеданския религии» была написана в 1719 г. на латыни, переведена на русский и издана в январе 1723 г. Подробно см.: [Базиленко, Воднева, 2012].

¹¹ В результате вместе с фрегатом утонуло и было навсегда утрачено второе значительное рукописное сочинение по истории ислама первого европейского исламоведа Д. К. Кантемира «История магометанская со времен ложного пророка Магомета до первого Императора турецкаго».

¹² Получив только 2 батальона пехоты, Шипов посчитал свое войско слишком малым и попросил императора о подкреплении для защиты обширной провинции. «Не дам, – лаконически ответил ему Петр. – Стенька Разин с пятьюстами казаков не боялся персиян, а я даю тебе два батальона регулярных» [Потто, с. 31–32]. Позже, в марте 1723 г., когда местный рештский хан поднял мятеж и силами в 15 тыс. человек попытался выбить занимавший город отряд Шипова, все атаки иранцев были успешно отражены.

Активный участник Персидского похода русский гидрограф Ф. И. Соймонов в своем обстоятельном сочинении «Описание Каспийского моря» откровенно написал: «Все счастье бунтовщика зависело от худого военного состояния персидского государства, которое во время правления шаха Хусейна в такой пришло упадок, что не иначе как с великим трудом набрать войско было можно, когда оно было набрано, то несогласие между начальниками предупреждало все добрые намерения» [Соймонов, 1963, с. 157].

Незадолго до капитуляции шах отправил к царю посла с просьбой о помощи и предложением военного союза, но император к этому времени уже вернулся в Санкт-Петербург, и послу пришлось отправиться в Россию [История Ирана, 1977, с. 201].

Во время кампании 1723 г. в Иран был послан значительно меньший отряд под командованием генерал-аншефа М. А. Матюшкина (1676–1737), а Петр I руководил действиями Матюшкина из России. В походе принимали участие 15 гекботов, полевая и осадная артиллерия, а также пехота. 20 июня отряд двинулся на юг, вслед за ним из Казани вышел флот из гекботов. 6 июля сухопутные войска подошли к Баку. На предложение Матюшкина добровольно сдать город его жители ответили отказом. 21 июля четырьмя батальонами и двумя полевыми орудиями русские отбили вылазку осажденных. Тем временем семь гекботов встали на якоре рядом с городской стеной и начали вести по ней плотный огонь, тем самым уничтожив крепостную артиллерию и частично разрушив стену. 25 июля был намечен штурм со стороны моря через образованные в стене проломы, но поднялся сильный ветер, который отогнал российские суда. Жители Баку успели этим воспользоваться, заделав в стене все бреши, однако 26 июля 1723 г. город капитулировал без боя [Броневский, 1996, с. 71].

12 сентября 1723 г. в Санкт-Петербурге был заключен российско-иранский договор, согласно которому за помощь в восстановлении в Иране власти законных Сафавидских шахов и прекращении мятежей иранцы обещали передать России Баку, Дербент и прибрежную полосу Каспия с шелководческими провинциями Гиляном, Мазандераном и Астрабадом. К этому времени Ширваном уже завладели турки, которые с неудовольствием смотрели на усиление роли России в регионе и грозили разрывом дипломатических отношений. Центральным Ираном вместе со столицей распоряжались афганцы, превратившиеся из угнетенных в угнетателей. Престолонаследника признавали формально шахом Тахмасп II (1722–1732) только в Гиляне, Мазандеране и южном Азербайджане при поддержке русских войск и отрядов кызыл-

башского племени каджаров. Тем не менее он отказался признать русско-иранский договор на том основании, что посланник Исмаил-бек якобы превысил данные ему полномочия, и согласился на российские условия помощи только после того как турецкая армия захватила Ереван, Тбилиси и Керманшах в том же 1723 г.

Петр I объяснял российские территориальные притязания простой необходимостью содержать войско: «Сие требуется для того, когда не будем иметь сих провинций, то нечем нам содержать там свои войска, ежели доходов там с вышеписанных провинций иметь не будем» [Броневский, 1996, с. 71]. Это обстоятельство нашло свое отражение и в вышеупомянутом русско-иранском трактате¹³. В дальнейшем Петр предусматривал возродить в Гиляне прежнюю русско-иранскую торговлю шелком и подготовить местных жителей к принятию российского подданства предоставлением различных милостей и покровительства.

Своим полномочным представителем на присоединенных территориях на Кавказе и в Северном Иране император назначил деятельного участника практически всех своих походов бригадира В. Я. Левашова (1667–1751), поручив последнему заниматься введением новых форм и методов управления. Военный опыт Левашова вскоре пригодился во время нападения местных честолюбцев на Решт, когда, располагая всего шестью батальонами пехоты и пятью сотнями драгун, он принудил двадцатитысячное войско противника снять осаду столицы провинции и уйти ни с чем.

В декабре 1723 г. на основе договора, заключенного в 1717 г. между Россией и Ираном А. П. Волынским, который Петр I ратифицировал в июне 1719 г., а шах Султан-Хусайн – в 1720 г., было основано «Торгующее в Персии купеческое общество», которое действовало с перерывами вплоть до 1762 г.¹⁴

¹³ «И. А насупротив того, Его Шахово Величество уступает Его Императорскому Величеству Всероссийскому в вечное владение Дербент, Баку, со всеми принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, такожде и провинции Гилянь, Мазондрань и Астробат; и имеют оныя от сего времени вечно в стороне Его Императорского Величества Всероссийского остаться и в его подданстве быть, которья места и провинции Его для того в награду себе желает, дабы оными содержать войско, которое Его Императорское Величество к Его Шахову Величеству против бунтовщиков в помощь посылает, и для того такожде на содержание оногo войска, от Его Шахова Величества денежное споможение не требует». [Советско-иранские отношения, 1946, с. 8–9].

¹⁴ В 1775 г. ее сменила «Российская в Персии торгующая Первая компания».

Во избежание войны с Османской империей в качестве следствия Персидского похода Петра I в 1724 г. был подписан при посредничестве Франции и Великобритании русско-турецкий договор, который закрепил российские и турецкие приобретения в Иране. Стамбульский договор позволил России без помех заняться расширением торговых отношений с Ираном и Индией, а Турции – начать боевые действия против афганцев. После поражения турецкой армии при подходе к Исфахану в 1727 г. был подписан договор, по которому новый вождь афганцев Мир Ашраф (1700–1729) признавал турецкого султана халифом всех мусульман, а султан признавал Мир Ашрафа иранским шахом, находящимся в вассальной зависимости от Османской Турции.

В целом, Персидский поход 1722–1723 гг. можно рассматривать в качестве вполне успешного предприятия Петра I, но современники его таковым не считали, что хорошо заметно в связи с судьбой одного из организаторов и вдохновителей похода – А. П. Волынского. Враги Волынского при дворе объяснили Петру ряд неудач российской армии в 1722 г. якобы недостоверными сведениями, доставленными Волынским, и указали на его взяточничество. Император жестоко наказал Волынского своей дубинкой и уже не доверял ему по-прежнему, несмотря на брак Волынского с двоюродной сестрой государя. Еще до завершения похода он был устранен от дальнейшего участия в нем и лишен большей части военных полномочий.

После смерти Петра в мае 1725 г. Волынский был переведен губернатором в Казань и занимал эту должность с перерывами до конца 1730 г. В ноябре 1730 г. он получил новое назначение в Иран, но, не успев покинуть Россию, был определен военным инспектором при Б. К. Минихе (1683–1767) в конце 1731 г. В 1738 г. Волынского вернули в столицу, где он стал кабинет-министром Анны Иоанновны (1730–1740). Будучи противником «бироновщины», был обвинен в казнокрадстве и тайном умысле свергнуть государыню. Был арестован, подвергнут пристрастным допросам, приговорен к отрезанию языка и «посаждению на кол». Императрица заменила приговор на четвертование. Казнь А. П. Волынского и части его соратников состоялась 8 июля 1740 г. на площади Сытного (Нового, Обжорного, Ситного) рынка на Петровском острове. Волынского четвертовать не стали, отрубили ему сначала одну руку, а потом – голову. Архитектора-составителя первого генерального плана Санкт-Петербурга П. М. Еропкина (1698–1740) и чиновника Адмиралтейской коллегии А. Ф. Хрущёва (1691–1740) также обезглавили. Тела захоронили у ограды

церкви прп. Сампсона Странноприимца на Выборгской стороне. Еще одного деятельного участника Персидского похода знаменитого мореплавателя Ф. И. Соймонова после избиения кнутом отправили на каторгу в Охотский острог, а президента Коммерц-коллегии П. И. Музина-Пушкина (1698–1743) – в Соловецкий монастырь.

Литература

- Базиленко И. В.** Очерки истории российско-иранских отношений (конец XVI – начало XX в.). СПб.: Аргус СПб, 2017. 432 с.
- Базиленко И. В., Воднева О. А.** Ислам как фактор формирования российской государственности и культуры. Антология: учебное издание. СПб.: РХГА, 2012. 896 с.
- [Броневский С. М.]** Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен царя Иоанна Васильевича донныне / изд., предисл., указ. И. К. Павловой. СПб., 1996. 232 с.
- Воловников В. Г.** Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М.: Наука, 1986. 159 с.
- История Ирана. М., Издательство Московского университета, 1977. 497 с.
- Потто В. А.** Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: в 5 т. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1887–1889. Т. 1.
- Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. М.: Изд-во Министерства иностранных дел СССР, 1946. 216 с.
- Соймонов Ф. И.** Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. СПб., 1763. 380 с.
- Соймонов Ф. И.** Описание Каспийского моря, от устья р. Волги, от притока Яркковского, до устья р. Астрабацкой». СПб., 1783. 28 с.
- Русский биографический словарь: в 25 т. / изд. под наблюдением А. А. Половцова. СПб, 1897. Т. 8. 756 с.

Igor V. Bazilenko

*Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation*

EMBASSY OF A. P. VOLYNSKY TO PERSIA (IRAN) ON THE EVE OF THE PERSIAN CAMPAIGN OF 1722-1723

Abstract: The article studies the mission of 1715-1717 under the leadership of Colonel A. P. Volynsky (1689-1740), which faced a wide range of different tasks – from the collection of strategic information and the conclusion of a

trade treatise to the creation of a consular service and a permanent mission of the Russian Orthodox Church in Iran. The author concluded that the decision of the Russian emperor Peter I (1689-1725) to start his famous Persian campaign was primarily influenced by all the information and conclusions that his envoy made during the mission.

Keywords: *Russian-Iranian relations, A. P. Volynsky, Persia (Iran), Peter I, the Persian campaign, Shah Sultan-Husayn, Mir Mahmud.*